

ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ

Крэнфорд

Элизабет Гаскелл

Крэнфорд

«Издательские решения»

Гаскелл Э.

Крэнфорд / Э. Гаскелл — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835568-4

События романа разворачиваются в выдуманном английском городке под названием Крэнфорд. Роман представляет собой яркие зарисовки из жизни Мэри Смит и её подруг, мисс Мэтти и мисс Деборы, двух старых дев. В провинциальный городок приезжает молодой доктор, который тут же становится объектом пристального внимания многих незамужних дам. Однако ключевым событием книги становится возвращение потерянного брата мисс Мэтти, Питера, который после долго безмолвного отсутствия приезжает в Крэнфорд из Индии.

ISBN 978-5-44-835568-4

© Гаскелл Э.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Крэнфорд

Элизабет Гаскелл

Переводчик Татьяна Запевалова

Корректор Антонина Семёнова

Редактор Николай Карцов

© Элизабет Гаскелл, 2023

© Татьяна Запевалова, перевод, 2023

ISBN 978-5-4483-5568-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Наше общество

Прежде всего, следует сказать, что Крэнфорд принадлежит амазонкам. Во всех домах, и частных, и наёмных, хозяйничают женщины. Если семейная пара приезжает, чтобы поселиться в этом городе, джентльмен каким-нибудь образом исчезает; он либо напуган до смерти тем, что он единственный мужчина на крэнфордских вечеринках, либо это объясняется пребыванием его в полку, на корабле, или он всю неделю занят делами в огромном соседнем торговом городе Драмбле, который находится в двадцати милях от Крэнфорда по железной дороге. Короче говоря, что бы ни занимало джентльменов, их нет в Крэнфорде, да и что бы они могли делать, если бы были здесь? Есть врач, который обслуживает тридцатимильный округ и только ночует в Крэнфорде. Но каждый мужчина не может быть врачом.

Дамы Крэнфорда полностью справляются сами с уходом за садами, полными отборных цветов, с сорняками, с мальчишками, которые завистливо смотрят на вышеупомянутые цветы через ограды, со срочным изгнанием гусей, случайно проникших в сад через оставленную открытой калитку, с решением всех вопросов литературы и политики, не тревожа себя излишними рассуждениями или доводами, с приобретением ясных и правильных знаний каждого прихожанина, с воспитанием своих опрятных служанок, с добротой (с некоторым превосходством) к бедным, с поддержкой друг друга в случае беды. «Мужчина, – как заметила мне одна из них однажды, – лишняя забота в доме». Хотя дамы Крэнфорда знают всё о делах друг друга, они преувеличенно настаивают, что равнодушны к сплетням.

На самом же деле, у каждой имеется своё собственное мнение, поэтому нельзя не заметить некоторой эксцентричности, которая так легко проявляется в разговоре. Но иногда они весьма доброжелательны.

У крэнфордских дам случаются только лёгкие ссоры, проявляющиеся в нескольких вспыльчивых словах и в сердитом покачивании головой, этого вполне достаточно, чтобы их жизнь не была слишком однообразной и скучной. Их платья совсем не зависят от моды, они говорят: «Какое имеет значение, как мы одеты здесь в Крэнфорде, где каждый нас знает». А если они выезжают из города, их доводы также неоспоримы. «Какое имеет значение, как мы одеты здесь, где нас никто не знает». Ткань их платьев в общем добротная и простая, и большинство из них весьма щепетильны в отношении чистоты, но, уверена, что последние рукава с широким буфом и облегающую из экономии нижнюю юбку в Англии можно увидеть в Крэнфорде, и там это не вызывает улыбки.

Я могу засвидетельствовать, что миниатюрная старая дева, оставшаяся последней из всей великолепной семьи многочисленных своих братьев и сестёр, ходила в церковь дождливыми днями под красным шёлковым зонтиком. Есть у вас красный шёлковый зонтик в Лондоне? Все, что у нас когда-то было, можно до сих пор увидеть в Крэнфорде, где мальчишки называют этот зонтик «тросточкой старой девы». Тот, кто способен носить такой красный шёлк, воспитывался, когда был маленьким, строгим отцом с армейскими замашками. Только бедная старая дама, пережившая всех, ещё могла носить его.

Далее, там существовали строгие правила для визитов и приглашений, и они передавались тем немногим молодым людям, которые оставались жить в городке, с такой же торжественностью, с которой старые законы жителей острова Мэн зачитывались ежегодно на горе Тинуолд¹.

¹ Мэн – один из Британских островов, расположенный в Ирландском море. Он входит в состав Великобритании, но в значительной мере сохранил самоуправление. Обычай, требовавший, чтобы каждый новый закон, прежде чем войти в силу, публично оглашался с горы Тинуолд, вышел из употребления совсем недавно.

– Наши друзья прислали справиться, как вы себя чувствуете сегодня вечером после путешествия, моя дорогая, – пятнадцать миль в экипаже, – завтра они дадут вам отдохнуть, но на следующий день, я не сомневаюсь, они вас пригласят, так что будьте свободны после двенадцати, от двенадцати до трёх мы принимаем.

После того, как визит нанесён:

– Нынче третий день; отважусь сказать, ваша мать, наверно, говорила вам, моя дорогая, никогда не разрешайте себе промежуток более, чем три дня, между визитом и его отдачей; и ещё – вы не должны оставаться во время визита долее, чем на четверть часа.

– Но мне придётся смотреть на часы. Как я определяю, когда пройдет четверть часа?

– Вы должны помнить о времени и не позволять себе забывать об этом в течение разговора.

Каждый держал в уме эти правила, когда делал визиты или приглашал к себе, и, конечно, ни о каких увлекательных предметах никто даже не заговаривал. Мы должны придерживаться коротких предложений для лёгкой беседы и тогда будем пунктуальны.

Я предполагаю, что немногочисленная дворянская знать Крэнфорда была бедна и имела некоторые затруднения в том, чтобы совершать визиты в разные концы города; но им нравилось быть спартанцами и скрывать под улыбкой свои невзгоды. Никто из них не говорил о деньгах, потому что предмет этот имел привкус коммерции и торговли; и поэтому все, и бедные тоже, были аристократичны.

Крэнфордцы предпочитали хранить «честь мундира» и выглядеть успешными, они старались скрыть свою бедность. Когда, например, миссис Форестер устраивала званый вечер в своём домике, и маленькая девочка разносила дамам, сидящим на диване, чай, который они с миссис Форестер приносили на подносе снизу, все воспринимали это как самую обычную вещь в мире и разговаривали о домашних делах так же церемонно, как будто верили, что у нашей хозяйки есть людская, дворецкий и лакеи вместо одной маленькой девочки из благотворительной школы, короткие розовые ручки которой не были достаточно сильными, чтобы поднять поднос с чашками чая. Да она и не могла быть служанкой у хозяйки, которая сейчас сидела во всем великолепии, притворяясь, что поданные бисквиты были присланы из магазина, хотя она знала, и мы знали, и она знала, что мы знаем, что она все утро была занята приготовлением чайных хлебцев и бисквитов.

Следствием, возникшим от этой всеобщей, но не признаваемой бедности, было то, что у всех, независимо от состояния, были аристократические замашки, в которых не было ничего дурного, но они позволяли быть представленными во всех кругах общества, что способствовало его заметному улучшению.

Все обитатели Крэнфорда вставали рано и гремели дома своими башмаками на деревянных подошвах до девяти часов вечера уже при зажжённых фонарях, но весь город лежал в постели и спал в пол-одиннадцатого. Ещё считалось «вульгарным» (ужасное слово в Крэнфорде) подавать гостям что-нибудь очень дорогое, то есть еду или питье, на вечерних приёмах. Вафли, хлеб с маслом и бисквиты – это все, что подавала почтенная миссис Джеймсон, а она была невесткой покойного графа Гленмаера, хотя и соблюдала эту «элегантную экономию».

«Элегантная экономия!». Так было принято выражаться в Крэнфорде. Здесь экономия всегда была элегантною, а трата денег «вульгарной и показной»; это притворное пренебрежение делало нас очень миролюбивыми и доброжелательными. Я никогда не забуду ощущения смятения, когда некий капитан Браун поселился в Крэнфорде и открыто рассказывал о своей бедности – не шёпотом близким друзьям при предварительно закрытых окнах, а людям на улице! громким армейским голосом! ссылаясь на свою бедность, как на причину, по которой он не может нанять приличный дом. Дамы Крэнфорда и так уже стонали от вторжения на их территорию мужчины. Он был капитаном на половинном жаловании и получил должность на соседней железной дороге, которая встречала неистовое сопротивление маленького

городка; и если, вдобавок к его мужскому роду и связи с противной железной дорогой, он имел наглость говорить открыто о своей бедности – то почему, действительно, его не послали жить в Ковентри? Вот смерть – такая же реальность и так же обычна, как и бедность, но ведь до сих пор люди никогда не говорят об этом громко на всю улицу. Это были слова не для упоминания при благовоспитанных ушах. Мы молчаливо согласились игнорировать эти темы во время вечерних приёмов, чтобы сохранить наше желанное равноправие. Если мы возвращались пешком с вечеринок, то только потому, что вечер был прекрасен или воздух был такой свежий, а не потому, что экипаж был слишком дорог. Если мы носили ситцы вместо летних шелков, это потому, что предпочитали хорошо стирающиеся ткани, и так далее, мы сознательно закрывали глаза на тот прозаический факт, кем мы все были – людьми с очень умеренными средствами. Потому мы не знали, что делать с человеком, который мог говорить о бедности, как будто это не было позором. Однако, так или иначе, но со временем капитан Браун снискал уважение в Крэнфорде, и его приглашали к себе, несмотря на все доводы против. Во время моего визита в Крэнфорд, примерно через год после того, как капитан поселился в городе, мне было удивительно слышать, что на него ссылаются как на непререкаемый авторитет. То были мои собственные друзья, которые только двенадцать месяцев назад не хотели приглашать капитана и его дочерей, а сейчас его принимали даже в запретные часы до двенадцати. Правда это было для выяснения причины неисправности дымохода, чтобы не случился пожар, однако капитан Браун ходил по верхнему этажу, никого не стесняясь и разговаривая слишком громким для комнат голосом, шутил, как совершенно принятый в доме человек. Он закрывал глаза и относился с пренебрежением к соблюдению установленных правил, был дружелюбен, хотя крэнфордские дамы держали себя с ним холодно; он чистосердечно отвечал на их несколько саркастичные комплименты; его мужественная прямота одолевала предубеждение, которое встречало его, как мужчину, который ещё и не стыдится своей бедности. И, наконец, его блестящий мужской здравый смысл, его умение правильно распределять расходы так, чтобы решать всяческие домашние проблемы, помогли ему занять выдающееся место и стать авторитетом среди крэнфордских дам. Сам же он продолжал жить, не подозревая о том, как популярен и каким глубоким уважением пользуется; и, я уверена, он бы испугался, однажды узнав, что его советы так высоко ценятся; то, что он говорил шутя, воспринималось всерьёз. Так, например, у одной пожилой леди была ольдернейская корова, которую она любила, как родную дочь. Вы не могли закончить краткий пятнадцатиминутный визит, не выслушав рассказа о прекрасном молоке и о замечательном уме этого животного. Весь город знал и очень уважал ольдернейку мисс Бетси Баркер, поэтому так велико было сочувствие и сострадание всех, когда бедная корова неосторожно свалилась в известняковый карьер. Она мычала так громко, что её вскоре услышали и спасли, но при этом бедное животное потеряло большую часть своей шерсти и с обнажённой кожей выглядело голым, беззащитным, замёрзшим и несчастным. Каждый жалел бедную скотину, хотя некоторые не могли сдерживать улыбки, глядя на её забавный вид. Мисс Бетси Баркер была в отчаянии и плакала от горя; говорили, что она хотела попробовать для коровы ванну с растительным маслом. Возможно, это средство ей кто-то порекомендовал. И этот план был бы осуществлён, если бы капитан Браун не сказал: «Наденьте на неё фланелевый жилет и фланелевые подштанники, мэм, если хотите сохранить её живой. Но мой совет – убейте несчастную тварь сейчас же».

У мисс Бетси Баркер высохли глаза, она сердечно поблагодарила капитана и села за работу, а потом весь город стоял в очередь смотреть на смиренную ольдернейку, бродившую на своём выгоне одетой в темно-серую фланель. Я видела её много раз собственными глазами. Видели ли вы в Лондоне коров, одетых в темно-серую фланель?

Капитан Браун нанимал маленький домик на окраине города и жил там с двумя дочерьми. Ему, должно быть, было больше шестидесяти во время моего первого визита в Крэнфорд, после того, как я уехала из него. У капитана была крепкая, хорошо тренированная, гибкая

фигура, по-военному откинута назад голова, упругий шаг, все это делало его на вид много моложе, чем на самом деле. Его старшая дочь выглядела почти так же, как он, и это выдавало тот факт, что в действительности он старше. Мисс Браун было около сорока; у неё было болезненное, страдальческое, измученное выражение лица, было видно, что яркие краски молодости давно увяли. Даже в молодости у неё, должно быть, были некрасивые, резкие черты лица. Мисс Джесси Браун была на десять лет младше своей сестры и в двадцать раз милее. У нее было круглое лицо с ямочками на щеках. Мисс Дженкинс однажды сказала, сердясь на капитана Брауна (в случае, о котором я вам сейчас расскажу), что она думает, «пора бы мисс Джесси убрать свои ямочки и перестать выглядеть как ребёнок». И правда, что-то детское было в её лице, и это, думаю, должно было сохраниться до конца жизни, хоть и жила она впроголодь. У неё были чудесные огромные голубые глаза, глядевшие прямо на вас, вздёрнутый носик, свежие розовые губы, слегка выющиеся волосы, усиливающие сходство с ребёнком. Я не знаю, была ли она красива, но мне, как и всем, нравилось её лицо, и не думаю, что она могла справиться со своими ямочками. У неё были такие же живые манеры и походка, как у отца; и кое-кто из женщин отмечал лёгкое различие в нарядах сестёр – на туалеты мисс Джесси ежегодно тратилось на пару фунтов больше, чем на мисс Браун. А два фунта были большой суммой для ежегодных расходов капитана Брауна.

Вот такое впечатление произвела на меня семья Браунов, когда я впервые увидела их всех вместе в Крэнфордской церкви. Капитана-то я встречала и раньше, когда дымила труба, которую он починил небольшой переделкой дымохода. В церкви во время пения утренних псалмов он надевал пенсне, затем высоко поднимал голову и громко и жизнерадостно пел. Он пел громче, чем клирик – старик с тонким слабым голосом, который заглушался звучным басом капитана, а клирик напрягался и пел дрожащим голосом все выше и выше.

При выходе из церкви оживлённый капитан был очень галантен со своими дочерьми.

Он кивал и улыбался своим знакомым, но никому не пожимал рук до тех пор, пока не поможет открыть зонтик мисс Браун, освободит её от молитвенника и терпеливо подождет, пока она нервно трясущимися руками не подберёт подол платья при переходе через мокрую мостовую.

Я изумлялась, зачем крэнфордские дамы зовут капитана Брауна на свои вечеринки. В былые дни мы часто радовались, что джентльмены отсутствуют и не участвуют в наших разговорах за карточным столом. Мы поздравляли себя с уютными вечерами, и, с нашей любовью к аристократичности и отдалённости от мужского пола, мы почти убедили себя, что быть мужчиной вульгарно; поэтому, когда я выяснила, что моя подруга и хозяйка дома, мисс Дженкинс, собираясь дать вечер в мою честь, пригласила капитана Брауна и мисс Браун, я удивлялась весь вечер. Столы с зелёным сукном были расставлены ещё днём; это была третья неделя ноября, так что темно становилось около четырёх. Свечи, новые колоды карт были приготовлены на каждом столе, огонь зажжён; чистенькая служанка получила последние распоряжения; мы стояли, празднично одетые, каждая с зажжённой свечой в руках, готовые броситься на первый стук в дверь. Вечеринки в Крэнфорде были впечатляющими, чопорные леди сидели, беседуя, в своих лучших платьях. Как только наступило три часа, мы сели за преферанс. Мне пришлось быть четвёртой. Следующие четыре человека сейчас же сели за другой стол; вскоре в центре каждого карточного стола появились чайные подносы, которые я видела в кладовой, когда ходила туда утром. Изысканно бледно-жёлтый фарфор, начищенное старомодное серебро, но еда была недостойна описания. Когда подносы были уже на столах, вошли капитан и мисс Браун, и я заметила, что капитан Браун так или иначе, но был любимцем всех присутствующих дам. С его появлением взъерошенные волосы были приглажены, громкие голоса понижены. Мисс Браун выглядела больной и была одета в тёмное. Мисс Джесси, как обычно, улыбалась и была принята почти так же, как и её отец. Он незамедлительно спокойно занял в гостиной полагающееся мужчине место, уделил внимание каждой того желающей, облегчил

труд хорошенькой служанки, раздавая дамам пустые чашки и бутерброды с маслом; он делал это так легко, и в такой благородной манере, и так, как будто это было само собой разумеющееся дело – оказывать внимание слабым; это был настоящий мужчина во всех отношениях. Он играл на три пенни за очко с такой серьёзной заинтересованностью, как будто это были фунты; и ещё, при всем внимании к посторонним, он не спускал глаз со своей страдающей дочери – страдающей, я была уверена, хотя другим она казалась только раздражительной. Мисс Джесси не умела играть в карты, но она беседовала с выбывающими из игры, которые, попав в эти досадные обстоятельства, подходили к ней. Ещё она пела под старое расстроенное пианино, которое, думаю, было таким всегда. Мисс Джесси пела «Джока из Хазелдина», немного фальшивив, однако все мы были не очень музыкальны, правда, мисс Дженкинс отсчитывала такт время от времени, чтобы показать тонкость своего слуха.

Было очень мило со стороны мисс Дженкинс так делать, потому что немного ранее она сделала все, чтобы сгладить кучу досадных, неосмотрительных замечаний мисс Джесси (на счёт шотландской шерсти), что у неё есть дядя, брат её матери, который держит магазин в Эдинбурге. Мисс Дженкинс постаралась заглушить это признание громким кашлем, чтобы не шокировать мисс Джеймсон, сидевшую рядом с мисс Джесси; что бы она сказала или подумала, если бы обнаружила, что находится в одной комнате с племянницей лавочника! Но мисс Джесси Браун (которая была бестактна, как мы все согласились на следующее утро) продолжала повторять свой рассказ, уверяя мисс Пол, что, если ей нужно, она может легко достать ей такой же шотландки: «У моего дяди самый лучший ассортимент товаров во всем Эдинбурге». Это было так нам не по вкусу и резало уши, что мисс Дженкинс предложила заняться музыкой, и, я повторяю, это было очень мило с её стороны – отсчитывать такт для песни.

Когда точно в четверть девятого вновь появились подносы с бисквитами и вином, разговор касался карт и взяток, однако впоследствии капитан Браун немного коснулся литературы.

– Видели ли вы «Пиквикские записки»? – спросил он. – Превосходная вещь!

Мисс Дженкинс была дочерью покойного крэнфордского священника; у нее была прекрасная библиотека рукописных проповедей, богословской литературы, книг, принадлежавших ей самой, поэтому разговор о книгах был вызовом для неё. И она ответила:

– Да, я видела их; даже могу сказать, что прочла их.

– И что вы думаете о них? – воскликнул капитан Браун. – Разве это не превосходная вещь?

Так настаивать мисс Дженкинс не могла, но ответила:

– Должна сказать, не думаю, что их можно сравнить с произведениями доктора Джонсона². Хотя автор, возможно, ещё молодой человек. Пусть он упорно трудится, и, кто знает, может быть, из него выйдет толк, если он возьмёт за образец великого Доктора.

Было очевидно, насколько неосторожен капитан Браун; я видела, что слова уже вертелись на кончике его языка, пока мисс Дженкинс еще не закончила свою сентенцию.

– Эта вещь совершенно иного рода, моя дорогая мадам, – начал он.

– Я полностью осознаю это, – отпарировала она. – И я принимаю это во внимание, капитан Браун.

– В таком случае, разрешите мне прочесть вам места из номера этого месяца, – защищался он. – Я получил его сегодня утром и не думаю, чтобы наше общество уже прочло его.

– Если хотите, – сказала она, усаживаясь со смиренным вздохом.

² Джонсон Сэмюэл (1709—1784) – английский писатель, журналист и лексикограф, игравший виднейшую роль в литературной жизни Англии второй половины XVIII века. Он составил «Словарь английского языка», издавал несколько журналов, в том числе «Рассеянный», значительная часть которого писалась им самим. Его философская повесть «Расселас, принц Абиссинский» (1759) посвящена теме несоответствия между человеческим стремлением к счастью и реальным осуществлением этих стремлений.

Он читал место о пирушке, которую Сэм Веллер дал в Бате. Некоторые из нас искренне смеялись. Я не отважилась, потому что остановилась в доме мисс Дженкинс. Она сидела с терпеливо-важным видом. Когда все было закончено, она повернулась ко мне и сказала с величественной снисходительностью:

– Сходите за «Расселом», милая, в библиотеку.

Когда я принесла книгу, она повернулась к капитану Брауну:

– Теперь разрешите мне прочесть вам одно место, и затем общество сможет выбирать между вашим любимым мистером Бозом³ и доктором Джонсоном.

Она прочла одну из бесед между Расселом и Имлаком повышенным величавым голосом и, когда закончила, сказала:

– Мне кажется, я сейчас оправдала моё предпочтение доктору Джонсону как писателю.

У капитана дрогнули губы, он стукнул по столу, но ничего не сказал. Она же подумала, что может нанести последние удары.

– Я считаю вульгарным и недостойным, чтобы публиковать его в листках.

– А как же опубликовали «Рассеянного», мэм? – спросил капитан Браун тихим голосом, который мисс Дженкинс, я думаю, не захотела услышать.

– Стиль доктора Джонсона является примером для молодых начинающих. Мой отец рекомендовал его мне, когда я начала писать письма, – на нем я сформировала мой собственный стиль, и я рекомендую его вам.

– Ему было бы неплохо поменять свой стиль, он такой помпезный, – сказал капитан Браун.

Мисс Дженкинс восприняла это как личное оскорбление, хотя капитан совсем этого не имел в виду.

Эпистолярный слог был её коньком. Я видела множество копий писем, написанных и отредактированных мисс Дженкинс на грифельной доске как раз за полчаса до отправки почты, чтобы успокоить своих друзей в том, что их стиль в порядке; и доктор Джонсон, как она говорила, был примером для её стиля. Она выпрямилась с достоинством и только ответила на последнее замечание капитана Брауна следующими словами, подчеркивая каждое слово:

– Я предпочитаю доктора Джонсона мистеру Бозу.

Не могу поручиться, но говорят, что слышали, как капитан Браун сказал вполголоса: «Болван ваш доктор Джонсон!». Если он это сделал, то раскаялся в своих словах, так как подошёл и встал около кресла мисс Дженкинс, стараясь вовлечь её в разговор на более приятную тему.

Но она была непреклонна. На следующий день она сделала замечание, о котором я упоминала, по поводу ямочек мисс Джесси.

³ «Записки Пиквикского клуба» – Роман Чарльза Диккенса (1812—1870). «Посмертные записки Пиквикского клуба» выходили отдельными выпусками с апреля 1836 по 1837 год. Первые очерки Диккенса были объединены в сборнике, носившем заглавие «Очерки Боза».

Глава 2

Капитан

Было невозможно прожить месяц в Крэнфорде и не узнать ежедневных привычек каждого жителя; задолго до того, как мой визит закончился, я знала о многих заботах всего трио Браунов. Нельзя добавить ничего нового в отношении их бедности; они говорили о ней просто и открыто с самого начала. Они не делали тайны из необходимости жить экономно. Все, что осталось для изучения, – это бесконечная доброта сердца капитана Брауна во всех видах, в которых он её неосознанно проявлял. Рассказывали несколько недавно случившихся небольших историй. Так как мы много не читали, а все леди предпочитали иметь служанок, то это обычно и являлось основной темой для разговора. Поэтому мы с жаром обсуждали событие, произошедшее в воскресенье, когда было очень скользко: капитан помог нести тяжёлую ношу бедной старушке. Он встретил её, когда она возвращалась из пекарни, а он шёл в церковь. Капитан заметил её неустойчивую походку и со сдержанным достоинством, с которым делал все, помог ей нести груз: перешёл улицу на её сторону и донёс запечённую баранину и картошку благополучно до самого её дома. Это был очень странный поступок, и ожидали, что в понедельник утром во время визитов капитан объяснит все и оправдается за то, что нарушил крэнфордские правила приличия, но он не сделал ничего подобного; было решено, что ему стыдно, и все сделали вид, что ничего не заметили. С благожелательным сожалением мы стали говорить: «В конце концов, воскресное происшествие говорит об огромной доброте его сердца», – и было решено, что он не должен чувствовать смущения при последующих появлениях среди нас. Но подумать только! Он пришёл к нам без малейших признаков стыда, громко разговаривая и бая, как обычно, его голова была откинута назад, его парик, как всегда, пышно завивался, и мы были вынуждены сделать вывод, что он уже и думать забыл о воскресном происшествии.

Мисс Пол и мисс Джесси Браун были в большой дружбе на почве шотландской шерсти и новых вязальных спиц; и получилось так, что я, приходя в гости к мисс Пол, виделась с Браунами чаще, чем у мисс Дженкинс, которая никогда не забывала про неслыханные замечания капитана Брауна о докторе Джонсоне, писателе лёгких и приятных произведений. Я поняла, что мисс Браун была серьёзно больна какой-то хронической неизлечимой болезнью, которая иногда причиняла ей сильные страдания, и это придавало угрюмое выражение её лицу. Раздражение было временами слишком сильным, когда её страдания были на пределе терпения. Мисс Джесси в это время страдала вместе с ней и была ещё более терпелива, с горьким самоотречением, которое они обе неизменно проявляли. Мисс Браун обвиняла себя в не просто вспыльчивом и раздражительном нраве, но и в том, что она была причиной того, что её отец и сестра жили в такой нужде из-за необходимости покупать ей дорогие лекарства. Она была готова на какие угодно жертвы, чтобы облегчить их заботы, и получалось, что подлинное благородство её характера добавляло горечи душе. Все эти обстоятельства воспринимались мисс Джесси и её отцом не просто безропотно – но с огромной нежностью. Я простила мисс Джесси пение не в такт, детские платья, когда увидела её в домашней обстановке. Я поняла, что парик капитана Брауна, его тёплое пальто (увы, слишком потрёпанное) – это все, что осталось от военного щегольства. Он был мастером на все руки, многому научился во времена жизни в казарме. Он говорил, что никто не может начистить его ботинки лучше, чем он сам; но на самом деле он не экономил на оплате труда служанки, а полагал, что нездоровье его дочери делает труд служанки слишком тяжёлым.

Вскоре, после того памятного спора, о котором я рассказывала, капитан приложил все усилия, чтобы помириться с мисс Дженкинс, подарив ей деревянный совок (сделанный соб-

ственными руками), потому что слышал её слова о том, как её раздражает скрип металла о решётку. Она приняла подарок и холодно поблагодарила его. Но когда он ушёл, попросила меня убрать совок в чулан, возможно, чувствуя, что подарок от человека, предпочитающего мистера Боза доктору Джонсону, будет раздражать её не меньше, чем металлический совок.

Вот таким было положение вещей, когда я покинула Крэнфорд и уехала в Драмбл. Однако я получала письма, которые держали меня в курсе происходящего в моем дорогом маленьком городке. Они были от мисс Пол, которая стала заядлой вязальщицей, всегда что-то вязала, и в каждом её письме было нечто подобное: «Не забыли ли вы купить белую шерсть у Флинта?» – как в старинной песне; в конце каждого рассказа о новостях приходила свежая инструкция и поручение, связанное с вязаньем, которое я должна выполнить для неё. Мисс Матильда Дженкинс (которая не возражала, чтобы её называли мисс Матти, когда мисс Дженкинс не было рядом) писала прекрасные, добрые, путанные письма, смело высказывая своё мнение, но вдруг отменяя его, и мне становилось непонятно, что же она имела в виду, когда писала, что Дебора думает иначе, она помещала это в постскрипtum, и, чтобы было ещё эффектнее то, что она написала выше, она писала, что обсуждала это с Деборой и была совершенно убеждена и так далее, – здесь следовало отречение от каждого мнения, которое она высказывала в письме. Приходили письма мисс Дженкинс – Деборы, ей хотелось, чтобы её так называла мисс Матти, потому что их отец однажды сказал, что именно так следует произносить её библейское имя Гебра. Я думаю, что характер Гебры-прорицательницы был для мисс Дженкинс только идеалом, в действительности она не была такой непреклонной в некоторых вещах и, конечно, делала скидку на современные обычаи и различия в одежде. Мисс Дженкинс носила шейный платок и маленькую шляпку, похожую на жокейскую кепку, и в общем выглядела как самостоятельная, мыслящая, независимая женщина, хотя она ни во что не ставила современную идею, что женщины во всем равны мужчинам. Да, равны! Она знала, что женщины их превосходят. Но вернемся к её письмам. Каждое из них было серьёзно и достойно, как и она сама. Я просмотрела их все (дорогая мисс Дженкинс, как я преклоняюсь перед ней!) и приведу специально некоторые выдержки, потому что они касаются капитана Брауна:

«Достопочтенная миссис Джеймсон только что беседовала со мной и по ходу разговора сообщила, что вчера приезжал с визитом уважаемый друг её мужа, лорд Молевер. Вам будет нелегко догадаться, что привело его светлость в пределы нашего маленького городка. Оказывается, чтобы увидеть капитана Брауна, с которым его светлость познакомился во время „войн плюмажей“ рядом с мысом Доброй Надежды, при этом она перепутала полуостров Кейп Код с мысом Доброй Надежды. Вы знаете, что наша подруга, уважаемая миссис Джеймсон, не любит проявлять даже самое невинное любопытство, и поэтому вы не будете удивляться, когда я скажу вам, что она не могла открыть мне, в чем состояла причина посещения. Я, признаться, очень хотела выяснить, каким образом капитан Браун, с его невысоким положением в обществе, связан с таким важным человеком; я узнала, что его светлость удалился отдыхать, и будем надеяться, его подбодрит живительный сон в гостинице „Ангел“; но мы все будем иметь удовольствие видеть его в течение двух дней, в которые он окажет честь Крэнфорду своим присутствием в августе. Миссис Джонсон, жена нашего мясника, сказала мне, что мисс Джесси купила баранью ногу, но, кроме этого, я не слышала о каких-либо приготовлениях, чтобы подобающе встретить такого важного гостя. Возможно, они встретят его „пиром разума и изливаниями души“, и нам, знакомым с печальной неспособностью капитана Брауна наслаждаться „чистым источником английской незамутнённой речи“, можно поздравить его с благоприятной возможностью улучшить свой вкус в процессе общения с элегантным и утонченным представителем английской аристократии. Но все мы не без слабостей, правда?».

Мисс Пол и мисс Матти написали мне с этой же почтой, они тоже не обошли новости о визите лорда Молевера, но их письма были интереснее. Мисс Матти скромно повторяла написанное сестрой, которая была намного более красочна в описании чести, оказанной Крэн-

форду, но, вопреки небольшим промахам в орфографии, письмо мисс Матти рассказало мне более красочно о волнении, вызванном визитом его светлости. Кроме прислуги в гостинице «Ангел», Браунов, миссис Джеймсон и маленького паренька, которого его светлость обругал, потому что он катал грязный обруч около его аристократических ног, я не слышала, чтобы он ещё кого-либо удостоил беседой.

В следующий раз я приехала в Крэнфорд летом. С тех пор как я была там в последний раз, не произошло ни рождения детей, ни смертей, ни свадеб. Каждый жил в том же доме и носил ту же прелестную, хорошо сохранившуюся, старомодную одежду. Покупка мисс Дженкинс нового ковра для гостиной была самым замечательным событием. Мы с мисс Матти были заняты тем, что гонялись за солнечными лучами, которые в полдень освещали ковёр через не зашторенные окна! Мы везде расстелили газеты и сидели с книгой или работой, и вдруг через четверть часа солнце перемещалось и появлялись новые яркие пятна. И мы опять ползали на коленях, передвигая газеты. Мы были очень, даже слишком, заняты целое утро перед вечеринкой, которую давала мисс Дженкинс, следуя её указаниям и разрезая или сшивая куски газет так, чтобы образовать маленькие дорожки к каждому креслу. Это делалось исключительно для гостей, чтобы их обувь не испачкала и не осквернила чистоту ковра. Делали ли вы газетные дорожки для гостей в Лондоне?

Отношения капитана Брауна и мисс Дженкинс были натянутыми. Литературный спор, который я наблюдала когда-то, был для них «больным местом», лёгкое напоминание о нём заставляло их вздрагивать. Они всего лишь не сошлись во мнениях, но и этого было достаточно. Мисс Дженкинс не могла сдержаться, и, когда она громко высказывалась на эту тему, обращаясь к другим, было ясно, что она обращается к мистеру Брауну; и, хотя он не отвечал, а только барабанил по столу пальцами, она расценивала это с негодованием как действие, порочащее доктора Джонсона. Он якобы так подчёркивал своё предпочтение мистера Боза как писателя. Капитан ходил по улицам настолько задумавшись, что однажды чуть не врезался в мисс Дженкинс; и, хотя его извинения были убедительными и искренними и хотя он не сделал действительно ничего более, только напугал её и себя, она признавалась мне, что убеждена: он хотел её толкнуть, раз она читает литературу более высокого стиля. Бедный brave капитан! Он выглядел старше и изнурённее, его одежда была очень потрёпана. Но он выглядел бодрым и неунывающим, даже когда его спрашивали о здоровье дочери.

«Она много страдает и будет страдать ещё больше; мы делаем все, чтобы облегчить её боль. С Божьей помощью!». С этими словами он снял шляпу. Я узнала от мисс Матти, что делается действительно всё. Посылали в соседний городок за доктором с очень высокой репутацией, и каждое его назначение тщательно выполнялось, каких бы затрат это ни стоило. Мисс Матти была уверена, что они отказывают себе во многом, чтобы больной было легче, но они никогда не жаловались; а что касается мисс Джесси – «Я думаю, что она ангел, – сказала совершенно побеждённая добрая мисс Матти. – Посмотрите на её жизнь с рождения рядом со страдальцей мисс Браун и на её полное бодрости лицо после того, как она просидела целую ночь и терпела раздражение больной: оно прекрасно. И она уже подтянута и готова приветствовать капитана за завтраком, как будто спала всю ночь в королевской постели. Моя дорогая! Вы никогда больше не сможете смеяться над её чопорными завитками и розовыми бантиками, если увидите такой, какой видала я». Я почувствовала сильное раскаяние и, когда потом встретила мисс Джесси, приветствовала её с удвоенным уважением. Она выглядела поблекшей и измученной; у неё дрожали губы, как от слабости, когда разговор касался сестры. Но она крепилась, однако не смогла удержать набежавшие слезы, когда начала рассказывать:

– Уверяю вас, все в Крэнфорде так добры! Я не думаю, что у кого-то на обед готовят больше, чем им нужно, но лучшие куски присылают в маленьких упакованных мисках для моей сестры. Добрые люди оставляют для неё у наших дверей ранние овощи. Они разговаривают

кратко и грубовато, как будто стыдятся того, что делают, но я от всего сердца благодарна им за их заботу.

У неё навернулись и потекли слёзы, но через минуту или две она начала сердиться на себя и перестала плакать, уходя такой же неунывающей мисс Джесси, как всегда.

– Но почему этот лорд Молевер не сделал что-нибудь для человека, который спас ему жизнь? – сказала я.

– Вам не кажется, что дело в капитане Брауне? Он никогда не подчёркивает своей бедности.

Капитан, прогуливаясь с его светлостью, был таким счастливым и полным достоинства, как принц; и так как они никого не приглашали к обеду, а мисс Браун в этот день было лучше, все выглядело прекрасно, я рискну сказать, что его светлость не понял, сколько забот вызвало его посещение. Он достаточно часто навещает их зимой, но сейчас уехал за границу.

Я часто замечала, что в Крэнфорде было принято использовать всякие мелочи, чтобы сделать людям приятное: вянущие букеты роз перед тем, как выкинуть, собирали и сушили их лепестки, потом посылали тем, у кого не было своего сада; посылали горожанам маленькие пучки цветов лаванды, чтобы те могли разбросать их в выдвижных ящиках или сжечь в спальне лежащих больных. Такие пустяки всё ещё ценились в Крэнфорде. Мисс Дженкинс разрезала яблоко на дольки, чтобы нагреть его и создать аромат в комнате мисс Браун; по мере того, как она складывала каждую дольку, она произносила изречение из Джонсона. Она действительно никогда не могла думать о Браунах, не заговорив о Джонсоне; и так как они изредка присутствовали в её мыслях, как, например, сейчас, я слушала все повторяющиеся изречения.

Капитан Браун пришёл, чтобы поблагодарить мисс Дженкинс за множество небольших услуг, о которых я и не знала. Он вдруг превратился в старика, его глубокий бас стал дрожать, глаза потускнели, углубились морщины на лице. Он не говорил, не мог говорить о состоянии своей дочери, но беседовал с мужественным, искренним смирением. Пару раз он сказал: «Что значит для нас с Джесси, знает только Господь!», а через секунду торопливо пожал всем руки и вышел из комнаты.

В тот день мы увидели на улице толпу людей, на лицах собравшихся был ужас. Мисс Дженкинс удивилась, что могло случиться, забыв о достоинстве, послала Дженни узнать, в чем дело.

Дженни вернулась с побелевшим от ужаса лицом.

– О мэм! О, мисс Дженкинс, мэм! Капитана Брауна убила их отвратительная, безжалостная железная дорога! – и она кинулась в слезы. Она так же, как и многие другие, знала по себе о доброте бедного капитана.

– Как? Где? где? О боже! Дженни, перестань плакать и расскажи нам толком.

Мисс Матти бросилась на улицу и стала расспрашивать мужчину, который принёс эту весть.

– Пойдёмте, пойдёмте сейчас к моей сестре, – мисс Дженкинс, дочь священника. О сэр, скажите, что это неправда, – заплакала она, когда привела испуганного возчика, приглаживающего волосы, в гостиную, где он встал в своих мокрых ботинках на новый ковёр, но никто не обратил на это внимания.

– Да, мэм, это правда. Я видел собственными глазами, – и он содрогнулся при воспоминании. – Капитан читал новую книгу и очень увлёкся, когда поджидал приближающийся поезд; тут же была маленькая девочка, которая хотела перебежать к своей мамочке, поскользнулась и упала на рельсы. А он вдруг взглянул на приближающийся поезд, увидел ребёнка, рванулся на рельсы и схватил её, и тут его нога подвернулась, и поезд проехал по нему. Господи, Господи! Мэм, это совершенная правда, они пошли рассказать всё его дочерям. Малышка спасена, только получила сильный удар в плечо, когда он толкнул ее к мамочке. Капитан был бы рад этому, правда ведь? Благослови его Бог!

Огромный грубый извозчик сморщил лицо и отвернулся в слезах. Я повернулась к мисс Дженкинс. Она выглядела так, как будто сейчас упадет в обморок, и сделала мне знак открыть окно.

– Матильда, принеси мне мою шляпу. Я должна пойти к его девочкам. Прости меня, Господи, что я была так высокомерна с капитаном!

Мисс Дженкинс оделась, сказав мисс Матильде дать возчику стакан вина. После того, как она ушла, мы с мисс Матти долго стояли, не отходя от огня, и разговаривали шёпотом. Я помню, мы все время плакали.

Мисс Дженкинс возвратилась домой молчаливая, мы не отваживались ни о чём её спрашивать. Она сама сказала нам, что мисс Джесси упала в обморок и что они с мисс Пол с трудом привели её в чувство, но вскоре она взяла себя в руки и попросила одну из них прийти и посидеть с сестрой.

– Мистер Хоггинс говорит, что она долго не протянет, её добьет этот удар, – проговорила мисс Джесси, дрожа от чувств, которым она не смела дать выход.

– Но как вы справитесь, моя дорогая? – спросила мисс Дженкинс. – Вы не сможете скрыть, она все равно увидит ваши слезы.

– Бог мне поможет – у меня нет выхода, сестра спала, когда пришла эта весть; она, может быть, до сих пор спит. Ей будет очень плохо, не только из-за смерти отца, но и от мысли, что будет со мной; она меня так любит. – Она смотрела так искренне на них своими кроткими глазами. Потом мисс Пол сказала мисс Дженкинс, что мисс Джесси тяжело будет вынести всё это, так как знала, сколько она уже перенесла и как с ней обходилась мисс Браун.

Однако всё произошло по желанию мисс Джесси. Мисс Браун было сказано, что отец был приглашён принять участие в небольшом деловом путешествии по железной дороге. Они как-то устроили это, как точно, мисс Дженкинс не сказала. Мисс Пол осталась с мисс Джесси. Миссис Джеймсон посылала туда справиться, но это было все, что мы узнали в эту ночь, следующая ночь была такой же печальной. На следующий день в газете, которую получала мисс Дженкинс, был помещён полный разбор этого страшного случая. Мисс Дженкинс сказала, что плохо видит, и попросила меня прочесть. Когда я дошла до слов «доблестный джентльмен был поглощён чтением номера „Пиквика“, который он только что получил», мисс Дженкинс долго важно качала головой и затем заметила: «Бедный, милый, безумный человек!». Тело было перевезено со станции в приходскую церковь и похоронено на кладбище. Мисс Джесси с окаменевшим сердцем провожала его до могилы, и никакие уговоры не помогли отменить это её решение. Умение держать себя в узде сделало её почти упрямой, она противилась всем уговорам мисс Пол и советам мисс Дженкинс. Наконец мисс Дженкинс положила уговорам конец. После молчания, которое мне показалось предзнаменованием глубокого недовольства поведением мисс Джесси, мисс Дженкинс вдруг сказала, что будет сопровождать её на похоронах.

– Не годится вам идти одной. Это будет неправильно и бесчеловечно, и я не допущу этого.

Мисс Джесси выглядела так, как будто ей было все равно, что все так устроилось; её упорство, если оно и было, решимость идти на погребение одной исчерпались. Без сомнения, ей так хотелось, бедняжке, одной поплакать на могиле дорогого отца, который был для неё всем, побыть там хотя бы полчаса без сочувствующих, дружеских взглядов. Но это ей было не суждено. В тот полдень мисс Дженкинс послала за ярдом чёрного крепа и принялась прилаживать его к маленькой чёрной шляпке, о которой я уже говорила. Когда все было закончено, она надела её и показалась нам, хотя в нашем одобрении она на самом деле не нуждалась. Мне было очень грустно, но у меня возникла одна из тех причудливых мыслей, которые непрошенные приходят в наши головы во времена глубочайшего горя: я, как только увидела шляпку, вспомнила про шлем; и в этой помеси полушлема и полужокейской кепки мисс Дженкинс присутствовала на похоронах капитана Брауна, и я уверена, что это очень поддержало мисс Джесси;

мисс Дженкинс была не только тверда, но и снисходительна, позволив мисс Джесси выплакаться вдоволь.

Тем временем мисс Пол, мисс Матти и я были с мисс Браун; нам было очень трудно успокаивать её, вечно раздражительную и жалующуюся. Но, если мы были так утомлены и подавлены, каково же было мисс Джесси! К тому времени она вернулась почти спокойная, как будто у неё прибавилось сил. Она передела утреннее платье и вошла, бледная и тихая, поблагодарила каждую из нас долгим пожатием руки. Она даже смогла улыбнуться слабой, милой, застывшей улыбкой, как бы уверяя нас в своих силах все вынести, но её вид заставил наши глаза наполниться слезами скорее, чем если бы она открыто плакала.

Было решено, что мисс Пол останется с ней для присмотра всю ночь напролёт и что мисс Матти и я вернемся утром сменить их и дадим возможность мисс Джесси поспать несколько часов. Но, когда наступило утро, мисс Дженкинс появилась за завтраком в своём шляпке и велела мисс Матти оставаться дома, потому что она сама решила пойти и помогать ухаживать за больной. Она была полна решимости, поэтому съела свой завтрак стоя, при этом все время браня служанку.

Чтобы помочь мисс Браун, была нужна сиделка – энергичная, разумная женщина. Но, когда мы вошли в комнату, случилось то, что было сильнее нас всех и заставило нас съёжиться в мрачной, исполненной благоговейного страха беспомощности. Мисс Браун умирала. Мы насилу узнали её голос, он был лишён того жалобного тона, который у нас всегда ассоциировался с ней. Мисс Джесси рассказывала мне впоследствии, что голос и лицо сестры стали как прежде, когда смерть матери превратила совсем молоденькую мисс Браун в главу семьи, от которой теперь осталась только одна мисс Джесси.

Думаю, что мисс Браун замечала только присутствие своей сестры. Мы были почти за занавеской: мисс Джесси стояла на коленях, прижав лицо к лицу сестры, стараясь расслышать её последний еле уловимый, страшный шёпот.

– О Джесси! Джесси! Какой эгоисткой я была! Господи, прости меня за все жертвы, которые ты принесла для меня! Ты так любила меня – а я даже сейчас думаю только о себе. Господи, прости меня!

– Тише, родная! Тише! – говорила нежно мисс Джесси.

– А мой дорогой отец! Мой дорогой, милый отец! Я теперь не буду жаловаться, если Господь даст мне силы быть терпеливой. Но, о Джесси! Расскажи папе, как мне хотелось увидеть его, чтобы попросить прощенья. Теперь он никогда не узнает, как я любила его! Если бы я могла сказать ему это до того, как умру! Какая у него была печальная жизнь, и я так мало сделала, чтобы утешить его!

Лицо мисс Джесси посветлело.

– Будет ли тебе, родная, легче думать, что он знает? Будет ли тебе спокойнее, любимая, зная, что его страдания, его печали закончились? – Её голос задрожал, но она овладела собой и сказала спокойно: – Мери! Он ушёл до тебя в места, где усталые обретают отдых. Он сейчас знает, как ты любила его.

Необычное выражение – не горе – появилось на лице мисс Браун. Она некоторое время молчала, но потом мы увидели, что её губы пытаются что-то произнести, потом услышали: «Папа, мама, Гарри, Арчи». Затем, кажется, новая мысль промелькнула в её угасающем сознании: – Но ты остаешься одна, Джесси!

Я помню, как мисс Джесси молчала, слезы градом покатались по её щекам при этих словах, и сначала она ничего не могла сказать, потом крепко сжала руки, вскинула их и, ни к кому не обращаясь, сказала:

– Пусть Господь поразил меня, я все равно верую и надеюсь.

Последние несколько минут перед концом мисс Браун лежала тихо и спокойно, не жалуясь и не ропща.

После этой второй смерти мисс Дженкинс настояла, чтобы мисс Джесси осталась у неё и не возвращалась в обезлюдевший дом, который, как мы потом узнали от мисс Джесси, необходимо сдать другим людям, потому что у неё не было средств платить за него. Мы прикинули её доходы, она располагала не многим более двадцати фунтов в год кроме тех денег, которые выручит в будущем за продажу дома.

– Я умею хорошо шить, – сказала мисс Джесси, – и мне нравится ухаживать за больными, я также думаю, что могла бы управляться с домом, если бы кто-нибудь взял меня экономкой, или я могла бы пойти в лавку продавщицей, если у них будет терпение научить меня.

Мисс Дженкинс сердито воскликнула, что она ничего этого не должна делать и что «кое-кто забыл, что носит звание дочери капитана». Примерно через час после того, как она принесла мисс Джесси чашку тонко измельчённых корней маранты и стояла около неё, как драгун, до тех пор, пока не была закончена последняя ложка, мисс Дженкинс исчезла. Мисс Джесси начала рассказывать мне кое-что о планах, которые строили мисс Дженкинс и мисс Матти для неё, равнодушно говоря о прошедших днях, поинтересовалась у меня, не знаю ли я, сколько времени прошло. Мы обе испугались, когда вновь появилась мисс Дженкинс и застала нас плачущими. Я забеспокоилась, как бы она не рассердилась, потому что часто говорила: «Плач мешает пищеварению», – но она, напротив, была необычно возбуждена и суежилась вокруг нас, не говоря ничего. Наконец она сказала:

– Я так сильно взволнована – нет, совсем не так сильно, – не обращайтесь на меня внимания, дорогая мисс Джесси, я очень сильно удивлена, у меня был посетитель, которого вы когда-то знали, моя дорогая.

Мисс Джесси побледнела, затем кровь прилила к её лицу, она порозовела и напряжённо смотрела на мисс Дженкинс.

– Джентльмен, моя дорогая, который хочет знать, пожелаете ли вы его видеть.

– Да? Нет, – запнулась мисс Джесси.

– Вот его карточка, – сказала мисс Дженкинс, подавая её мисс Джесси; пока она рассматривала карточку, мисс Дженкинс подмигивала мне со странным выражением лица, её губы произносили какое-то длинное предложение, из которого я, конечно, не могла понять ни слова.

– Может он войти? – спросила наконец мисс Дженкинс.

– О, да! Конечно! – ответила мисс Джесси. – Что ещё можно сказать, это ваш дом, и вы можете принимать посетителей, где хотите.

Она взяла вязанье мисс Матти, чтобы казаться очень занятой, хотя я видела, что она вся дрожит.

Мисс Дженкинс позвонила в колокольчик и сказала служанке проводить майора Гордона наверх, и сейчас же вошёл высокий, красивый, с открытым взглядом человек лет сорока или около того. Они с мисс Джесси пожали друг другу руки, но он не смог заглянуть ей в глаза, они были опущены. Мисс Дженкинс обратилась ко мне: не могу ли я пойти и помочь ей перевязывать консервы в кладовке; и, хотя мисс Джесси дёргала меня за платье и даже смотрела на меня молящими глазами, я не посмела отказаться идти туда, куда звала мисс Дженкинс. Однако вместо того, чтобы завязывать консервы в кладовке, мы пошли поговорить в столовую, и там мисс Дженкинс поведала мне о том, что рассказал ей майор Гордон: как он служил в одном полку с капитаном Брауном и познакомился с мисс Джесси, тогда хорошенькой, цветущей восемнадцатилетней девушкой; как знакомство с его стороны переросло в любовь, хотя прошло несколько лет перед тем, как он признался ей; как, вступив во владение имением в Шотландии, завещанным ему дядей, он сделал предложение и получил отказ, хотя ему было ясно по очевидному её горю и волнению, что она не равнодушна к нему, и, как он понял, препятствием была болезнь, которая уже тогда так мучила её сестру. Она ссылалась на то, что врачи предсказывали сестре сильные страдания и некому, кроме неё, будет ухаживать за бедной Мери, утешать и помогать отцу. Они долго спорили, и на её отказ обещать ему стать его женой, когда

все будет окончено, он рассердился, разорвал все отношения и уехал за границу, уверенный, что она жестокосердная особа и он должен её забыть. Он после путешествия по Востоку возвращался домой и в Риме увидел в газете сообщение о смерти капитана Брауна.

Тем временем мисс Матти, которая отсутствовала все утро и только недавно вернулась домой, ворвалась с испуганным лицом, нарушая все правила приличия.

– О, простите великодушно! – сказала она. – Дебора, в гостиной джентльмен обнимает мисс Джесси за талию! – Глаза мисс Матти были выпучены от ужаса.

Мисс Дженкинс немедленно одёрнула её:

– Это наиболее подходящее место для его рук. Иди, Матильда, и займись своими делами.

Услышать такое от своей сестры, которая до сих пор была для неё образцом благовоспитанности, было ударом для бедной мисс Матти, и она, испытав двойное потрясение, покинула комнату.

Впоследствии, через много лет после этих событий, я виделась с покойной теперь мисс Дженкинс. Миссис Гордон поддерживала тёплые, дружеские отношения со всеми в Крэнфорде. Мисс Дженкинс, мисс Матти и мисс Пол, – все побывали у неё с визитом и вернулись с чудесными впечатлениями от её дома, её мужа, её платья и от того, как она выглядит. От счастья она снова расцвела; она оказалась на год или два моложе, чем мы считали. Её глаза были всегда красивы, и, в качестве миссис Гордон, её ямочки были как раз на месте. Когда я в последний раз видела мисс Дженкинс, она постарела и ослабела, что-то пропало в её сильной натуре. Когда я вошла, с ней была малышка Флора Гордон, она громко читала мисс Дженкинс, которая лежала на диване, немощная и очень изменившаяся. При моем появлении Флора положила «Рамблера».

– А! – сказала мисс Дженкинс. – Видите, как я изменилась, моя дорогая. Что поделаешь. Когда Флоры здесь нет, чтобы почитать мне, мне тяжело коротать день. А вы читали «Рамблера»? Это чудесная книга – чудесная! И очень полезна для воспитания Флоры (которая, осмелюсь сказать, читала, проглатывая половину слов, и могла понять значение только трети написанного), лучше, чем та странная старая книга, во время чтения которой погиб капитан Браун – та книга мистера Боза – ну, вы знаете, – «Старый Поз»; когда я была девочкой, а это было много лет назад, я играла Люси из «Старого Поза». – Пока она говорила, Флора успела прочесть большую часть «Рождественской песни», которую мисс Матти оставила на столе.

Глава 3

Любовный роман далёкого прошлого

Я думала, что моя связь с Крэнфордом оборвется после смерти мисс Дженкинс, по крайней мере, это коснется переписки, хотя она могла заменить живое общение, как альбомы высушенных растений, которые я иногда просматривала, живые цветы на тропинках и в лугах. Поэтому я была приятно удивлена, получив письмо от мисс Пол (к ней я всегда приезжала на недельку погостить после окончания ежегодного визита у мисс Дженкинс) с предложением приехать и остановиться у неё, а затем, через пару дней после моего согласия, пришло письмо от мисс Матти, в котором она с обиняками застенчиво писала, какое удовольствие я ей доставлю, если проведу с ней недельку или две до или после того, как побываю у мисс Пол, и добавляла: «С тех пор, как умерла моя дорогая сестра, я прекрасно осознаю, что моё предложение вряд ли привлекательно, и только благодаря доброте друзей я остаюсь в их обществе».

Конечно, я обещала приехать к моей дорогой мисс Матти сразу же, как закончу визит у мисс Пол; и через день после моего приезда в Крэнфорд я пошла навестить её, с трепетом думая, как теперь там без мисс Дженкинс, и немного побаиваясь этих изменений. Мисс Матти заплакала, как только увидела меня. Очевидно, она нервничала, ожидая моего прихода. Я успокоила её, как могла, и поняла, что лучшим утешением были искренние добрые слова о мисс Дженкинс, которые исходили из самого сердца, когда я говорила об её кончине. Мисс Матти медленно кивала головой всякий раз после того, как я отмечала каждое достоинство, присущее её сестре, не сдерживая накопленных за долгое время одиночества слез, закрыв лицо носовым платком и громко всхлипывая.

– Милая мисс Матти! – сказала я, взяв её за руку. Я не могла выразить, как мне жаль её, оставшуюся одинокой во всем мире. Она отложила свой носовой платок и сказала:

– Дорогая моя, не называйте меня Матти. Ей это не нравилось; я, боюсь, делала много такого, чего она не одобряла, а теперь её нет! Моя родная, если вам не трудно, не могли бы вы называть меня Матильда?

Я искренне обещала ей это и начала называть её так все время, пока гостила у мисс Пол, поэтому желание мисс Матильды вскоре стало известно всему Крэнфорду; мы все старались употреблять семейное имя, но почти безуспешно, и вынуждены были отказаться от этой попытки.

Мой визит к мисс Пол закончился. Мисс Дженкинс так долго была законодательницей светских правил в Крэнфорде, что сейчас, когда её не стало, никто не знал толком, когда можно устраивать вечеринку. Преподобная миссис Джеймсон, к которой мисс Дженкинс всегда выказывала большое уважение, была толстой и инертной и во многом зависела от своих старых слуг. Если они решали, что она может провести вечеринку, они напоминали ей о необходимости это сделать, если нет, то она ничего не предпринимала. Большую часть времени я слушала воспоминания о былом мисс Пол, когда она сидела за рукоделием, а я шила рубашки моему отцу. Я всегда брала в Крэнфорд часть запланированного шитья, потому что мы не так уж много читали и гуляли. У меня оставалось много времени заниматься этой работой. Один из рассказов мисс Пол был связан с давнишней любовной историей, о которой смутно догадывались или подозревали много лет назад.

Наконец подошло время, когда я перебралась в дом мисс Матильды. Она суежилась, не зная, как удобнее устроить меня. Я уже давно распаковала вещи, когда она вернулась и начала разжигать камин. Он плохо горел, и угли приходилось часто шуровать.

– У вас, милая, достаточно тёплое белье? – спросила она. – Я не знаю, как моя сестра с этим справлялась. У неё были свои особые методы. Я уверена, что она за неделю научила бы служанку разжигать огонь как следует, а ведь Фанни служит у меня уже четыре месяца.

Разговоры о служанках были постоянно полны жалоб, и это понятно, поскольку джентльмены были редки, почти не существовали в «благовоспитанном обществе» Крэнфорда. Зато мужчины и их неотъемлемая часть – красивые молодые люди – имелись в большом количестве в низших классах. У хорошеньких, опрятных девушек-служанок был выбор желанного «дружка» в то время, как их хозяйки, включая мисс Матильду, не имея выбора кавалеров, испытывали благоговейный трепет перед мужчинами и супружеством, а это заставляло их слегка тревожиться о том, чтобы головы их миловидных служанок не вскрыжил какой-нибудь столяр, или булочник, или садовник, которых иногда приходилось вызывать в дом и которые, к несчастью, как правило, были красивые и неженатые. Дружки Фанни, если они у неё были – а мисс Матильда подозревала, что у неё их много, раз она такая хорошенькая, а я сомневаюсь, чтобы у неё был хоть один, – постоянно тревожили её хозяйку. Фанни было запрещено и она обещала не знаться с парнями, однако простодушно пыталась возразить хозяйке. Подрубая свой передник, Фанни как-то сказала: «Так, мэм, у меня никогда и не было больше одного кавалера». Мисс Матти запретила и одного. Но в кухне можно было спрятать дружка. Фанни уверяла меня, что это была моя фантазия или ещё что-нибудь, когда я, проходя вечером с поручением в кладовку, увидела промелькнувшие в буфетную фалды мужского пальто; и в другой вечер, когда наши часы остановились, я пошла взглянуть на часы возле кухни, мне было очень странное видение, однозначно молодого человека, сжавшегося между часами и открытой кухонной дверью: Фанни поспешно подняла свечу, чтобы скрыть тень на часах, при этом уверяя меня, что сейчас на полчаса раньше, чем было на церковных часах. Но я не стала добавлять тревоги мисс Матти своими подозрениями ещё и потому, что Фанни сказала мне на следующий день, что в кухне были какие-то странные тени и она боялась там оставаться. «Чтобы вы знали, мисс, – добавила она, – я не видела ни одного живого существа после шестичасового чая до тех пор, пока не позвонил колокольчик хозяйки на молитву в десять часов».

Однако чувствовалось, что Фанни что-то скрывает; мисс Матильда попросила меня остаться и помочь ей найти новую служанку; я согласилась после того, как узнала, что мой отец не настаивает, чтобы я возвращалась домой. Новая служанка была грубой, простой деревенской девушкой, которая до этого жила только на ферме, но мне понравился её вид, когда она пришла наниматься, и я обещала мисс Матильде научить её вести дом. А мисс Матильда думала только о том, одобрила ли бы это умение вести хозяйство её сестра.

Как много домашних правил и норм при жизни мисс Дженкинс было предметом жалоб шёпотом мне на ухо! Но сейчас, когда её не стало, я не думаю, чтобы даже я, которая была любимицей, отважилась бы предложить что-нибудь другое, не как при жизни мисс Дженкинс. Вот пример: мы постоянно придерживались часов приёма пищи, как когда-то в «доме моего отца-священника». Следуя этим правилам, после обеда у нас всегда подавались вино и десерт: но в графинах были остатки вина со времени последней вечеринки, мы к ним редко притрагивались, хотя перед каждой стояла пара рюмок. Графины наполнялись только тогда, когда случался следующий весёлый повод. После остатки вина осматривались на семейном совете. Остаток часто отдавался бедным: но при случае, когда остаток был большим, его оставляли до следующей вечеринки (через пять месяцев или около того), когда он добавлялся в несколько новых бутылок, принесённых из погреба. Мне кажется, что даже бедный капитан Браун не очень любил вино, я заметила, что он никогда не заканчивал свою первую рюмку, после вечеринки вино всегда оставалось. К нашему десерту мисс Дженкинс собственноручно собирала чёрную смородину и крыжовник; я иногда думала, что лучше есть свежие ягоды прямо с куста, но мисс Дженкинс говорила, что летом такой десерт лучше всего. По сему мы себя чувствовали очень благовоспитанными с двумя нашими рюмками, блюдом крыжовника

и чёрной смородины в середине и бисквитами по бокам, а также с двумя графинами в конце стола. Как-то раз, когда появились апельсины, произошёл курьезный случай. Мисс Дженкинс не нравилось разрезать фрукт, ей казалось, что сок весь вытечет неизвестно куда; высасывание (только, я думаю, она использовала бы более завуалированное слово) было фактически единственным способом насладиться апельсинами, но это вызывало неприятные ассоциации со звуками, часто производимыми маленькими детьми; и поэтому в сезон апельсинов после десерта мисс Дженкинс и мисс Матти поднимались, молча брали каждая по апельсинку и забирали его в свою комнату, чтобы в уединении получить удовольствие, высосав их.

Один или два раза, когда была жива мисс Дженкинс, я попыталась уговорить мисс Матти остаться, и это мне удалось. Я, по её просьбе, заслонила и не смотрела, а она старалась не производить неприятных звуков; но сейчас, оставшись в одиночестве, она была совершенно шокирована, когда я умоляла её остаться со мной в тёплой гостиной и насладиться апельсином любым приятным ей способом. И так во всём. Недостатком мисс Матильды была её мягкость и нерешительность. Я слышала, как Фанни по двадцать раз за утро возвращалась к разговору об обеде, предлагая ей выбор, как маленькой девочке. Иногда я думала, как она умудрялась из-за нерешительности мисс Матильды, сбивавшей её с толку, дать хозяйке ощущение власти над умной служанкой. Я решила, что останусь до тех пор, пока не выясню, что из себя представляет Марта; и, если окажется, что Марта заслуживает доверия, я научу её не беспокоить хозяйку такими ничтожными проблемами.

Марта была грубовата. С другой стороны, она была проворна и старательна, но очень невежественна. За неделю до того, как она начала работать, мисс Матильда и я были удивлены, получив однажды утром письмо от её кузена, который уже двадцать или тридцать лет находился в Индии и который позже, как мы узнали из «Военного листка», вернулся в Англию, привезя с собой больную жену, которую она раньше никогда не видела. Майор Дженкинс писал, что по пути в Шотландию они с женой предполагают провести ночь в Крэнфорде в гостинице, если мисс Матильде будет неудобно принять их в своём доме, в таком случае, они надеются провести с ней как можно больше времени днем. Конечно, сказала она, это должно быть ей удобно, весь Крэнфорд знает, что спальня её сестры свободна, но я уверена, что ей хотелось бы, чтобы майор оставался в Индии и забыл про своих кузин навсегда.

– О, как же мне поступить? – беспомощно спрашивала она. – Если бы Дебора была жива, она бы знала, что делать с гостями-джентльменами. Нужно ли мне положить бритвы в его туалетную? Боже! Боже! Я ничего не умею. Дебора все это умела. А ночные туфли, щётка для одежды?

Я предположила, что вполне возможно, все это он привезет с собой.

– А после обеда, откуда мне знать, когда нужно встать и оставить его с вином? Дебора все это делала так хорошо, для неё это все было элементарно. Как ты думаешь, захочет ли он кофе?

Я взяла на себя приготовление кофе и сказала ей, что должна научить Марту уметь прислуживать, в чем, нужно признать, она совершенно не смыслит, и что, без сомнения, майор и миссис Дженкинс не осудят ту скромную жизнь, которую ведет дама в провинциальном городе. Но мисс Матильда переживала и волновалась. Я взяла пустые графины и принесла две новых бутылки вина. Мне не хотелось, но она присутствовала, когда я учила Марту, и вставляла противоречивые указания, которые вызывали путаницу в голове у бедной девушки, которая стояла с открытым ртом, слушая нас обеих.

– Обнеси овощи по кругу, – говорила я (это было глупо, я теперь вижу, все должно было быть проще и спокойнее), а тогда, глядя на неё, сбитуую с толку, я добавила: – Возьми овощи, обойди всех людей и дай им возможность взять самим.

– И не забудь в первую очередь подойти к дамам, – вставила мисс Матильда. – Всегда, когда тебя зовут, сначала иди к даме, затем к джентльмену.

– Я так и сделаю, как вы сказали, мэм, – сказала Марта, – но мне парни больше нравятся.

Мы почувствовали себя неудобно и были шокированы заявлением Марты, однако я не думаю, что она имела в виду что-то неприличное. В целом все было хорошо, она прислуживала, помня наши указания, только один раз, обнося всех блюдом с картофелем, подтолкнула локтем майора, когда он замешкался, прежде чем взять картофель.

Майор и его жена оказались скромными, непритязательными людьми, несколько вялыми, какими, мне кажется, бывают все люди, приехавшие из Восточной Индии. Мы были несколько испуганы тем, что они привезли с собой двух слуг, камердинера-индуса для майора и крепкую пожилую служанку для его жены; однако слуги ночевали в гостинице и, кроме того, сняли с нас большую часть хлопот, сами позаботившись о комфорте своих хозяев. Марта, конечно, не переставала пучить глаза на восточноиндийский белый тюрбан и тёмный загар индуса, я заметила, что и мисс Матильда старалась не смотреть на него, когда он прислуживал за обедом. Когда они ушли, она спросила меня, не напоминает ли он мне Синюю Бороду. В целом визит прошёл нормально, и даже сейчас мы с мисс Матильдой иногда вспоминаем о нем, а в то время это сильно взволновало Крэнфорд, и даже апатичная почтенная миссис Джеймсон проявила интерес, когда я зашла навестить и поблагодарить её за добрые советы, которые она соблаговолила дать мисс Матильде по устройству туалетной джентльмена, советы, которые, должна признаться, миссис Джеймсон давала в манере скандинавских пророчиц: «Оставьте меня, оставьте меня в покое».

А сейчас я перехожу к истории о любви.

Оказывается, у мисс Пол был двоюродный или троюродный брат, который много лет назад сделал предложение мисс Матти. Сейчас этот кузен жил в четырёх или пяти милях от Крэнфорда в собственном поместье, но его средства были недостаточными, чтобы занимать более высокое положение, чем фермер, и тем более изображать «гордость, прикидывающуюся скромностью»; он отказался перейти, как это делали многие, из своего класса в ряды помещиков. Он не разрешал звать себя «Томасом Холбруком, эсквайром»; он даже отсылал назад письма, надписанные таким образом, объясняя крэнфордскому почтальону, что его зовут мистер «Томас Холбрук, фермер». Он отказывался менять что-либо в порядках своего дома, дверь его дома была всегда раскрыта настежь летом и плотно закрыта зимой и не была снабжена ни молотком, ни колокольчиком. Чтобы войти в дом, если дверь была на замке, он стучал кулаком или набалдашником трости. Он отвергал всякую тонкость обхождения, которая не имела таких глубоких корней в человеческой природе, как, например, как доброта и благородство. Если рядом не было больных, он не видел необходимости понижать голос. Он в совершенстве говорил на местном диалекте и постоянно использовал его в разговоре, хотя мисс Пол (которая рассказала мне все это) тут же добавляла, что так прекрасно и с чувством читать не умел никто другой, кроме покойного священника.

– Отчего же мисс Матильда не вышла за него? – спросила я.

– Право, я не знаю. Возможно, не очень хотела. Но, скорее всего, кузен Томас не был достаточно джентльменом для её отца и мисс Дженкинс.

– Да ладно! Но не им же было за него замуж выходить, – возмутилась я.

– Нет, конечно, но они не хотели, чтобы мисс Матти выходила замуж за человека ниже себя по положению. Вы же знаете, что она была дочерью священника, и каким-то образом они были в родстве с сэром Питером Арли; мисс Дженкинс всегда помнила об этом.

– Бедная мисс Матти! – сказала я.

– Впрочем, я точно не знаю, я только знаю, что он получил отказ. Возможно, он не нравился мисс Матти, а мисс Дженкинс никогда не говорила ни слова против – это только моё предположение.

– С тех пор она никогда не виделась с ним? – спросила я.

– Да, думаю, что так. Знаете, Вудли, дом кузена Томаса, находится на полпути между Крэнфордом и Мислтоном; я знаю, что он, получив отказ, стал ездить торговать в Мислтон

и с тех пор приезжал в Крэнфорд не больше одного-двух раз. Как-то мы прогуливались с мисс Матти по Хайстрит, и вдруг она бросилась от меня в переулок. А через несколько минут я увидела кузена Томаса.

– Сколько ему лет? – спросила я, размышляя о несбыточном.

– Думаю, моя дорогая, ему должно быть сейчас около семидесяти, – сказала мисс Пол, развеивая мои мечты в прах.

Очень скоро после этого – по крайней мере во время моего продолжительного визита у мисс Матильды – мне представилась возможность увидеть мистера Холбрука и увидеть его неожиданную встречу со своей прежней любовью после тридцати или сорока лет разлуки.

Я помогала мисс Матти решить, какой из нового ассортимента цветных шелков, только что полученных магазином, подойдет к серому и чёрному муслину, когда высокий, тонкий, похожий на Дон Кихота старик вошёл в магазин за шерстяными перчатками. Я никогда раньше не видела этого человека (а он был довольно приметен), и я внимательно наблюдала за ним, пока мисс Матти слушала продавца. Незнакомец был одет в голубое пальто с медными пуговицами, грязноватые желто-коричневые бродяжки, гетры и барабанил пальцами по прилавку до тех пор, пока не привлек к себе внимание. Когда он отвечал продавцу на вопрос «Что я могу иметь удовольствие показать вам сегодня, сэр?», я увидела, как мисс Матильда покачнулась, а затем вдруг села, и я моментально догадалась, кто этот джентльмен. Наш продавец обратился к другому продавцу:

– Мисс Дженкинс хочет чёрный подкладочный шёлк по два пенса за ярд.

Мистер Холбрук услышал имя и в два шага пересек магазин.

– Матти – мисс Матильда – мисс Дженкинс! Господи, благослови мою душу! Я не узнал вас. Как вы поживаете? Как вы? – Мистер Холбрук схватил и тряс её руку, было видно, как он тепло относится к ней. – Я не узнал вас! – Эта романтическая встреча заставила меня склониться к совершенно другому мнению, несмотря на его манеры.

Он разговаривал с нами все время, пока мы были в магазине, затем махнул продавцу с принесёнными перчатками: «В другой раз, сэр! В другой раз!» – и пошёл проводить нас до дому. Я счастлива сказать моим читателям, что мисс Матильда покинула магазин в весьма смущённом состоянии, так и не выбрав, какой ей нужен шёлк, зелёный или красный. Было очевидно, что мистер Холбрук полон искренней ликующей радости от встречи со своей старой любовью; он коснулся изменений, которые произошли; он даже помянул мисс Дженкинс: «Ваша бедная сестра! Ну-ну, все мы ошибаемся», – и высказал нам на прощанье надежду вскоре увидаться с мисс Матти опять. Она прошла прямо в свою комнату и не возвращалась, а когда вышла к чаю, я подумала, что она плакала.

Глава 4

Визит к старому холостяку

Через несколько дней пришло письмо от мистера Холбрука, в котором он просил нас, обращаясь к нам обеим в официальном старомодном стиле, провести день в его доме – долгий июньский день, потому что сейчас был июнь. Он сообщил, что также пригласил свою кузину, мисс Пол, так что мы можем вместе приехать в пролётке, которую он вышлет за нами.

Я ожидала, что мисс Матти обрадует это предложение – но нет! Мисс Пол и я с огромным трудом уговорили её поехать. Ей казалось это неприличным, и она была даже рассержена, когда мы совершенно отвергли мысль о неприличии в поездке с двумя другими дамами. Затем возникли ещё более серьёзные трудности. Она не знала, понравилась ли бы её поездка Деборе. Это стоило нам полдня тяжёлых уговоров, но потом, когда возражения иссякли, я воспользовалась подходящим моментом, написала и отправила от её имени согласие, указав день и час, так что все было решено.

На следующее утро она спросила меня, не могу ли я сходить вместе с ней в магазин; в магазине после больших колебаний мы выбрали три чепца и отослали их домой, чтобы там примерить и выбрать лучшие, которые подойдут нам для визита в четверг.

Весь путь до Вудли она молчала и волновалась. Она, очевидно, никогда не бывала там ранее, хотя у неё была такая мечта, ведь я знала кое-что об этой давнишней истории. Я чувствовала, что она вздрагивает при одной мысли, что увидит место, которое могло стать для неё домом и с которым, возможно, были связаны её невинные девические мечты.

Это была длинная прогулка по мощёной тряской дороге. Когда наше путешествие подходило к концу, мисс Матильда сидела очень прямо и задумчиво глядела в окно. Деревня выглядела такой тихой и спокойной. Вудли был расположен среди полей; там был старомодный сад, где розы и кусты смородины сплетались друг с другом, где перья спаржи служили прекрасным фоном для гвоздик и седых левкоев; мощёной дорожки к двери не было. Мы вошли в небольшие ворота и прошли прямо по окаймлённой тропинке.

– Думаю, мой кузен мог бы сделать дорожку, – торопясь, сказала мисс Пол. Она боялась простудить уши, так как на ней был только чепец.

– А мне нравится, – сказала мисс Матти с мягкой печалью в голосе почти шёпотом, и сейчас же мистер Холбрук появился в дверях, радушный и весёлый. Он ещё более, по моему мнению, был похож на Дон Кихота, чем прежде, но сходство было чисто внешнее. Его почтенная экономка скромно стояла в дверях, приглашая нас войти; и пока она увела старших дам, предложив им подняться в туалетную комнату, мне захотелось осмотреть сад. Моя просьба явно была приятна старому джентльмену, он повел меня по всем местам, даже показал двадцать шесть коров, названных по буквам алфавита. Во время прогулки он удивил меня повторением уместных к случаю цитат из поэтов, легко переходя от Шекспира и Джоржа Херберта к современным поэтам. Он делал это так естественно, как будто думал вслух и их искренние и прекрасные слова были лучшим выражением его мыслей и чувств. Он называл Байрона «мой лорд Байрон» и произносил имя Гёте, прямо согласуясь с английской фонетикой: «Как сказал Гэсе, „эти вечно зеленеющие дворцы“» и так далее. В общем, я никогда не встречала мужчину, который прожил бы такую долгую жизнь уединенно в глухой сельской местности с вечно возвышенным чувством восторга перед красотой ежедневных и ежегодных изменений в природе.

Когда мы с ним вернулись, то обнаружили, что обед вот-вот будет подан в буфетную – думаю, так называлась эта комната, она была обставлена дубовыми буфетами, они располагались в стороне от печи, небольшой турецкий ковёр занимал середину вымощенного плиткой пола. Комната легко превращалась в красивую столовую-гостиную из тёмного дуба, если

удалить печь и другие кухонные принадлежности, которые явно никогда не использовались, и пища готовилась явно в другом месте. Комната, в которую мы должны были перейти после обеда, была старомодно обставленным уродливым помещением, а рядом была, как её назвал мистер Холбрук, контора, где он выдавал своим работникам еженедельную зарплату у большой конторки около дверей. Эта приятная небольшая гостиная, выходившая окнами во фруктовый сад, осенённая танцующими тенями деревьев, была заполнена книгами. Они лежали на полу, покрывали стены, были разбросаны на столе. Мистер Холбрук был немного смущён, но явно гордился экстравагантностью своих причуд. Среди книг преобладали разные стихи и таинственные истории. Он, конечно, выбирал книги согласно собственным вкусам, а не потому, что это была классика или эти книги предпочитались обществом.

– Правда, – сказал он, – мы, фермеры, не должны так много времени посвящать чтению, но до сих пор у меня этого не получается.

– Какая милая комната! – сказала мисс Матти вполголоса.

– Что за приятное место! – сказала я громко, почти одновременно с ней.

– Ну что же! Хорошо, если она вам нравится, – ответил он. – Но, может быть, вы присядете на те большие кожаные треугольные стулья? Мне тоже здесь нравится больше, чем в гостиной, но я подумал, может быть, леди предпочтут парадную комнату.

Парадная комната была похожа на большинство парадных комнат, которые всегда бывают не совсем уютными; в то время, пока мы обедали, служанка вытерла пыль и вымыла стулья в гостиной, и мы провели там весь день.

На обед нам подали говяжий пудинг. И мне показалось, что мистер Холбрук собирается заняться воспоминаниями, когда он начал:

– Я не знаю, нравятся ли вам новомодные привычки.

– О, совсем нет! – сказала мисс Матти.

– И мне тоже, – сказал он. – Моя экономка собирается завести здесь новую моду, а я говорю ей, что, когда я был ещё молодым человеком, мы всегда держались правила моего отца: «Нет мясного бульона, нет силы; нет силы без говядины», – и всегда начинали обед с мясного бульона. Затем у нас был пудинг с почечным жиром, приготовленный в бульоне с говядиной, затем само мясо. Если мы не пили бульон, у нас не было сил, так необходимых для работы. Последней подавалась говядина, и её получал тот, кто отдал должное мясному бульону и набрался сил. А сейчас люди начинают со сладостей и выворачивают свой обед шиворот-навыворот.

Когда была подана утка с зелёным горошком, мы посмотрели в смятении друг на друга; у нас были только двузубые вилки с чёрными ручками, правда сталь сияла, как серебро, но что нам было делать! Мисс Матти подбирала свой горошек одну горошину за другой, накалывая их зубцом вилки, как Амина ела свои зёрнышки риса после пира с вурдалаком.⁴ Мисс Пол, вздыхая, деликатно отодвигала горошины на край тарелки, не попробовав: они проскакивали между зубцами. Я посмотрела на хозяина: горошек, подхваченный большим широким закруглённым ножом, легко уходил в его широкий рот. Я попробовала делать так же и осталась в живых! Мои подруги, несмотря на мой пример, не смогли набраться храбрости сделать такую грубую вещь, и, если мистер Холбрук не был бы так искренне голоден, то, возможно, заметил бы, что такой прекрасный горошек оказался почти нетронутым.

После обеда была принесена глиняная трубка и плевательница, он попросил нас, если нам не нравится табачный дым, перейти в другую комнату, а он вскоре присоединится к нам. Он отдал свою трубку мисс Матти и попросил набить её. В его представлении это был комплимент леди, но вряд ли это было уместно, потому что мисс Матти была приучена своей сестрой

⁴ Амина – жена одного из персонажей сказок «Тысячи и одной ночи», оказавшаяся ведьмой-оборотнем. Это открылось, в частности, потому, что рис она ела, накалывая по одной рисинке на шило.

относиться к любого рода курению с отвращением. Но, если это и было потрясением для её благовоспитанности, ей было приятно быть избранной, поэтому она изящно положила крепкий табак в трубку, затем мы удалились.

– Это был очень приятный холостяцкий обед, – мягко сказала мисс Матти, когда мы расселись в гостиной. – Я только надеюсь, что это не неприлично.

– Как много у него книг! – заметила мисс Пол, оглядывая комнату. – И какие они пыльные!

– Я думаю, это похоже на комнаты великого доктора Джонсона, – отозвалась мисс Матти. – Какой превосходный человек, должно быть, ваш кузен!

– Да! – сказала мисс Пол. – Он много читает, но, боюсь, его неуклюжие манеры связаны с жизнью в одиночестве.

– О, неуклюжие – слишком сильно сказано, я бы назвала его эксцентричным, очень умные люди часто такие! – отозвалась мисс Матти.

Когда мистер Холбрук вернулся и предложил прогулку в поля, то обе старшие дамы испугались сырости и грязи, у них были очень неподходящие к случаю туфли, к тому же, они были утомлены. А я опять составила ему компанию в обходе, который, как он сказал, надо обязательно сделать, чтобы присмотреть за своими людьми. Он широко шагал, как будто совсем забыл о моем существовании, или наслаждался в молчании своей трубкой, а это уже было не просто молчание. Он шёл передо мной стремительной походкой, скрестив руки за спиной, и, если деревья, или облако, или мимолётные впечатления от окрестных пастбищ обращали его внимание, он сам себе цитировал стихи, произнося их громким, звучным голосом, очень выразительно, с искренним чувством и пониманием. Мы подошли к старому кедру, который в одиночестве стоял в конце дома.

– «Кедр раскинул прохладу темно-зелёных ветвей». Главное слово – ветви! Чудесный человек!

Я не знала, обращается он ко мне или нет, но я согласилась: «Чудесный», хотя я не знала, о ком речь. Но я устала от того, что меня не замечали, и от постоянного молчания.

Он резко повернулся.

– Ах, вы можете сказать только «чудесный». А почему, когда я услышал стихи Блеквуда, я за час прошагал семь миль до Мислтона (на лошадах тогда было не проехать) и заказал их? Ну, скажите-ка мне, какого цвета почки ясеня в марте?

«Он сумасшедший, – подумала я. – Как он похож на Дон Кихота».

– Какого они цвета, говорю я? – повторил он горячо.

– Я уверена, что не знаю, сэр, – сказала я, признавая своё невежество.

– Я уверен, что не знаете. Но знал ли я – старый дурак! – до тех пор, пока этот молодой человек не пришёл и не сказал мне: «Чёрные, как ясеневые почки в марте». Я всю свою жизнь прожил в деревне, и мне тем более стыдно было этого не знать. Чёрные: они блестящие чёрные, мисс. – И он снова зашагал, покачиваясь в такт мелодии рифм, которые были у него в голове.

Когда мы возвратились, никто не заставлял его, но он должен был прочесть нам стихи, о которых говорил, и мисс Пол поддержала его стремление. Думаю, для того, чтобы, как она шепнула мне, услышать его прекрасное чтение, которым она гордилась, но потом она говорила, что поддержала его желание потому, что у неё была сложная часть в вязании, и она хотела посчитать петли, не отвлекаясь на разговоры. Во всяком случае, он предполагал, что это будет приятно для мисс Матти, хотя она начала засыпать через пять минут после того, как он начал читать длинное стихотворение под названием «Локсли холл», и незаметно дремала до тех пор, пока он не закончил; наступившая тишина разбудила её, и она сказала, чувствуя, что от неё чего-то ждут, особенно мисс Пол:

– Какие славные стихи!

– Славные, мадам! Они прекрасные! Действительно прекрасные!

– О, да! Я имела в виду – прекрасные! – сказала она, испугавшись его неодобрения.

– Это так похоже на чудесные стихи доктора Джонсона, которые когда-то читала моя сестра, я забыла их название. Как они назывались, дорогая? – повернулась она ко мне.

– Какие вы имеете в виду, мэм? О чем они были?

– Я не помню, о чем они, я совершенно забыла, как они назывались, но они были написаны доктором Джонсоном и очень похожи на то, что прочитал нам сейчас мистер Холбрук.

– Я не помню таких, – сказал он задумчиво. – Но я не знаю хорошо стихотворений доктора Джонсона. Я должен почитать их.

Когда мы собрались возвращаться, я слышала, как мистер Холбрук говорил, что хотел бы вскоре навестить нас, и спросил, когда мы принимаем, и было видно, как польщена и взволнована мисс Матти. Однако после, когда мы потеряли из виду старый дом среди деревьев, её чувства по отношению к его хозяину постепенно поглотились неожиданной тревогой, не нарушит ли Марта своё слово и не воспользуется ли отсутствием хозяйки для свидания с «другом». У Марты все получалось хорошо, она была спокойна и достаточно рассудительна, когда приходила помогать нам, всегда была предупредительна к мисс Матти, но вот в этот вечер неудачно высказалась:

– Как, дорогая мэм, подумать только, вы поехали вечером в такой тонкой шали! Она не теплее, чем муслиновая. В вашем возрасте, мэм, вы должны быть осторожны.

– В моем возрасте! – воскликнула мисс Матти. Обычно очень добрая и спокойная, она неожиданно рассердилась. – Мой возраст! Сколько мне лет, по-твоему, что ты говоришь о моём возрасте?

– Просто, мэм, я хотела сказать, что вам под шестьдесят; но иногда люди выглядят старше, чем на самом деле, поверьте, я не хотела вас обидеть.

– Марта, мне ещё нет пятидесяти двух! – холодно подчеркнула мисс Матти. Возможно, сегодня воспоминания о молодости были так ярки, что она была огорчена напоминанием, что это золотое время ушло навсегда.

Но она никогда не рассказывала о прошлом более близком знакомстве с мистером Холбруком. Она, видимо, встретила так мало сочувствия в своей первой любви, что вырвала её из своего сердца. Правда, это были только мои домыслы, которые у меня не могли не появиться после доверительного разговора с мисс Пол. Я видела, что преданное, бедное сердце мисс Матти было наполнено печалью.

Она привела мне несколько правдоподобных причин для того, чтобы каждый день надевать свой лучший чепец, и, несмотря на ревматизм, все время сидела возле окна так, чтобы незаметно наблюдать за улицей перед домом.

И он пришёл. Он сидел, широко расставив ноги и положив ладони на колени. После того, как мы ему ответили, что наше возвращение домой прошло благополучно, он, насвистывая, склонил голову на бок. И вдруг он вскочил:

– Ну, дамы! Что привезти вам из Парижа? Я собираюсь туда на пару недель.

– В Париж! – воскликнули мы хором.

– Да, мадам! Я никогда не был там, а всегда хотел съездить, думаю, если не соберусь сейчас, то уже не поеду никогда. Итак, как только я получу небольшую сумму денег, перед уборкой урожая отправлюсь в путь.

Мы были так изумлены, что у нас не возникло никаких пожеланий.

Он вышел за дверь, но сразу вернулся:

– Благослови, Господи, мою душу, мадам! Я совсем забыл, что привез для вас стихи, которыми вы так восхищались в тот вечер в моем доме. – Он сорвал обёртку с пакета, который вынул из кармана пальто. – До свидания, мисс, – сказал он. – До свидания, Матти! Береги себя. – И ушёл, но он подарил ей книгу и назвал её Матти, как тридцать лет назад.

– Я не хочу, чтобы он уезжал в Париж, лягушатники вряд ли будут ему рады; когда-то он был очень сдержан в своих порывах, что очень необычно в таком энергичном молодом человеке, каким он был.

Вскоре после этих событий я попрощалась и уехала, приказав Марте приглядывать за госпожой и дать мне знать, если ей покажется, что с мисс Матильдой не все в порядке; в таком случае я приеду к моей старой подруге, только пусть Марта ничего не говорит ей заранее об этом.

Таким образом, время от времени я получала извещения от Марты, а где-то в ноябре я получила письмо со словами, что госпожа «очень подавлена, плохо себя чувствует и отказывается от пищи». Это сообщение так взволновало меня, что, хотя Марта и не требовала моего приезда, я упаковала вещи и поехала.

Меня встретил тёплый приём, несмотря на суматоху, вызванную моим неожиданным приездом. Мисс Матильда выглядела совершенно больной, и я приготовилась ухаживать за ней и оберегать её.

Предварительно я поговорила с Мартой.

– Сколько времени уже госпожа так больна? – спросила я, стоя на кухне перед очагом.

– Ну, я думаю, сейчас ей лучше, чем две последние недели, так, я думаю; это случилось в один из четвергов, когда приходила мисс Пол, после её ухода она начала хандрить. Я думала, она устала и все пройдет, когда она выспится, но нет! С тех пор все так и продолжается, и я подумала, что должна написать вам, мэм.

– Ты была совершенно права, Марта. Как хорошо знать, что у неё рядом есть преданная служанка. Я надеюсь, вы довольны своим местом?

– Да, мэм, миссис очень добра, здесь хватает еды и питья, работы немного, и я с ней легко справляюсь, – но... – Марта заколебалась.

– Но что, Марта?

– Почему хозяйке так трудно разрешить мне встречаться с молодым человеком? В городе так много молодых людей, и многие из них хотят водить дружбу со мной. Но мне ведь никогда не найти опять такого хорошего места, и мне приходится отказываться от хороших предложений. Многие девушки, я знаю, делают это без ведома хозяйки, но я дала слово и держу его; миссис ведь знает, если они придут в её дом, кухня такая просторная – в ней так много тёмных углов – я могла бы спрятать кого-нибудь. В прошлый воскресный вечер – не буду отрицать, я плакала, потому что была вынуждена закрыть дверь перед носом Джема Хирна, а он очень хороший молодой человек, нравится многим девушкам, только я дала слово миссис. – Марта высказала все и заплакала опять; я подумала, что не могу ей ничем помочь, потому что знала, по прошлому опыту, с каким ужасом обе мисс Дженкинс смотрели на молодых людей, и в теперешнем нервном состоянии мисс Матти нежелательно было подвергать этому испытанию.

На следующий день я отправилась навестить мисс Пол, это было для неё сюрпризом, потому что она не виделась с мисс Матильдой два дня и не знала, что я приехала.

– А сейчас мне придётся пойти вместе с вами, дорогая, потому что я обещала дать знать мисс Матильде о самочувствии Томаса Холбрука; мне жаль это говорить, но его экономка прислала человека сообщить мне, что он долго не проживет. Бедный Томас! Это путешествие в Париж было слишком трудным для него. Его экономка сказала, что ему даже тяжело стало приглядывать за своими полями, и он сидит все время, положив руки на колени в своей гостиной, не читая и вообще ничего не делая, только говорит, каким чудесным был город Париж! Может ответить этот Париж, почему он убил моего кузена Томаса, лучшего человека, который когда-либо жил?

– Мисс Матильда знает о его болезни? – спросила я. Это пролило свет на причину её нездоровья.

– Дорогая, конечно, знает! Разве она не рассказала вам? Я сообщила ей неделю назад, когда впервые услышала об этом. Странно, что она вам ничего не рассказала!

«Вовсе нет, рассказала», – подумала я, но промолчала. Я почувствовала себя почти виноватой, что была слишком любопытна и вторглась в это нежное сердце, и я не собиралась рассказывать о его тайных секретах, доверенных мне мисс Матти, никому на свете. Я ввела мисс Пол в маленькую гостиную мисс Матильды, а затем оставила их одних. Я не удивилась, когда Марта пришла в мою спальню звать меня спуститься вниз и обедать в одиночестве, потому что у миссис сильно разболелась голова. Она вышла в гостиную только к чаю, но было видно, каких усилий ей это стоило; и, если не считать нескольких упрёков своей старшей сестре, мисс Дженкинс, которая была причиной её горя, нескольких упрёков, в которых она сразу раскаялась и все время после полудня рассказывала мне, какой доброй и умной была Дебора в молодости, как только она когда-то могла решить, какие платья они будут надевать на званые вечера (тусклый, призрачный образ мрачных званых вечеров, таких далёких, когда мисс Матти и мисс Пол были молодыми!), и как Дебора и мать помогали бедным, обучая девушек готовить и планировать семейные расходы; и как Дебора однажды танцевала с лордом; и как она когда-то гостила у сэра Питера Арли и постаралась навести такие же порядки в доме священника, как в Арли Холле, где было целых тридцать слуг; и как она ухаживала за мисс Матти во время долгой, долгой болезни, о которой я никогда раньше не слышала, но которая, я теперь думаю, была связана с отказом мистеру Холбруку. Так мы тихо и спокойно провели за беседой тот долгий ноябрьский вечер.

На следующий день мисс Пол принесла нам весть, что мистер Холбрук умер. Мисс Матти выслушала новости спокойно; на самом деле, учитывая его вчерашнее состояние, только этого и можно было ожидать. Мисс Пол задержалась, желая услышать от нас слова сожаления, то и дело повторяя, не печально ли это, потом сказала:

– Подумать только, что в такой приятный день в прошлом июне он чувствовал себя так хорошо! И он бы мог прожить ещё несколько лет, если бы не отправился в этот нечестивый Париж, где они вечно устраивают революции.

Она сделала паузу, чтобы мы могли продемонстрировать своё участие. Я видела, что мисс Матти не может говорить, её всю трясло от переживаний, тогда я высказала сожаления, которые обуревали меня; через некоторое время гостья ушла. Не сомневаюсь, мисс Пол подумала, что мисс Матти приняла новости очень спокойно.

Мисс Матти делала огромные усилия, чтобы скрыть свои чувства, она таила их даже от меня, она больше никогда не упоминала мистера Холбрука, хотя книга, которую он принёс ей, лежала вместе с Библией на маленьком столике около её кровати. Она думала, что я не слышала, когда она попросила модистку Крэнфорда сделать её чепцы чем-то похожими на чепцы преподобной миссис Джеймсон, а та возразила:

– Но она же носит вдовьи чепцы, мэм?

– О! Я только имела в виду сделать что-нибудь в таком стиле, не вдовий, конечно, но похожий на чепец миссис Джеймсон.

Усилия скрыть свои чувства сказались на её здоровье. С тех пор я стала замечать, что у мисс Матти иногда трясутся голова и руки.

Вечером того дня, когда мы услышали о смерти мистера Холбрука, мисс Матильда была очень молчалива и задумчива; после молитвы она подозвала Марту, потом помолчала, не зная, с чего начать.

– Марта, – сказала она наконец, – ты молода, – потом она сделала такую долгую паузу, что Марта, чтобы напомнить ей, о чем она начала говорить, сделала реверанс и сказала:

– Да, с вашего разрешения, мэм, мне будет двадцать два тридцатого октября.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.